

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Владимировский. Фантастика — это фантасты 7

Роберт Хайнлайн: Проповедник без церкви 13

Гарри Гаррисон: Человек, который писал pulp
и издавал Бёрджеса 33

Хорхе Луис Борхес: Зеркала Борхеса 45

Роберт Сильверберг: Кафка, Джойс, мягкое порно
и научная фантастика 59

Джеймс Грэм Баллард: Здесь был Баллард 73

Харлан Эллисон: В океане времени 95

Кристофер Прист: Острова Архипелага грез 109

Сэмюэл Р. Дилэни: Сверхновая из гетто 129

Джеймс Типтри-мл.: Девушка, которую отменили 145

Тим Пауэрс: Шизофрения, стимпанк и пираты 159

Брюс Стерлинг: Киберпанк мертв, а он еще нет 177

Майкл Шейбон: Его миры и времена: от Лавкрафта
до Пинчона 201

Тед Чан: Человек, у которого не было выбора 217

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий:

Воспитание воспитателей 231

Кир Булычев: Недобрый сказочник 249

Ольга Ларионова: Писательница с вершины

Килиманджаро 275

Владимир Савченко: Инженер-электрик

человеческих душ 291

Борис Штерн: Смех от ужаса 305

Хаяо Миядзаки: Как строить будущее 315

Алан Мур: Перпетуум-мобиле 333

Василий Владимирский ФАНТАСТИКА — ЭТО ФАНТАСТЫ

«Критика — это критики» называлась широко известная в узких кругах книга литературоведа, публициста и главного редактора журнала «Знамя» Сергея Ивановича Чуприна. Заголовок на самом деле универсальный: любое целое складывается из уникальных единиц, и особенно это бросается в глаза, когда речь идет о некоем творческом сообществе. Чем больше мы знаем о единицах, тем лучше понимаем целое, тем увереннее разбираемся в контексте.

Книга, которую вы держите в руках, — именно такая попытка выйти на общее через частное, обратиться к универсальному через локальное. Велико искушение назвать сборник персонифицированной историей фантастики XX — начала XXI века, «историей в лицах», но это явный перебор: на столь амбициозную задачу автор, конечно, не замахивал-

Василий Владимирский

ся. Перед вами скорее материалы к такой истории, некоторые сугубо предварительные заметки, без претензии на исчерпывающую полноту и академическую обстоятельность. Кто может — пусть сделает больше.

Писатели в этом сборнике представлены в хронологическом порядке, от несомненных классиков до ныне здравствующих и активно пишущих современников. Роберт Хайнлайн, один из «Большой тройки» англо-американских фантастов Золотого века 1930–1950-х годов. Звезды Новой волны* 1960–1970-х — Дж. Г. Баллард, Харлан Эллисон, Сэмюел Дилэни, Кристофер Прист. Роберт Сильверберг и Гарри Гаррисон, одно время близкие к этой группе, но нашедшие свой путь в литературе. Алиса Шелдон, более известная под псевдонимом Джеймс Типтри-мл., ярчайшая фигура в американской феминистической фантастике 1970-х. Тим Пауэрс, отец-основатель стимпанка, и Брюс Стерлинг, один из лидеров киберпанковского движения. Писатели, громко заявившие о себе на рубеже XX и XXI столетий, Тед Чан и Майкл Шейбон, каждый из которых стал отдельным феноменом сам по себе.

Разумеется, фантастика XX века представлена не только американцами и британцами — есть тут и другие имена. Аргентинский классик Хорхе Луис Борхес, любимец советской интеллигенции, в отдельном представлении не нуждается. Крупнейшие

* Новая волна (*англ.* New Wave) — неконформистское движение 1960–1970-х гг. в англо-американской фантастике. Зародилось в Великобритании, получило поддержку в США. Подробнее см. в статье «Здесь был Баллард». (*Здесь и далее примечания автора*)

отечественные фантасты-«шестидесятники», братья Стругацкие и Кир Булычев — и их менее известные, но по-своему не менее интересные современники Ольга Ларионова и Владимир Савченко. Один из лучших учеников Б.Н. Стругацкого, крупнейший представитель Четвертой волны советской НФ, незаслуженно забытый Борис Штерн. Создатели визуальных произведений, чье влияние на наше представление о «жанре» сложно переоценить — великий британский комиксист Алан Мур и великий японский аниматор Хаяо Миядзаки. Все они расширяли границы, искали новые выразительные средства, задавали векторы, по которым двигалась НФ в прошлом столетии — и движется до сих пор.

Если присмотреться внимательно, становится видно, что все это сообщество пронизывают тонкие взаимосвязи, сложная иерархия взаимных влияний, симпатий и антипатий. Пацифист Гарри Гаррисон терпеть не мог милитариста Роберта Хайнлайна, ядовито пародировал его «Звездный десант» в романе «Билл, герой Галактики» и прямо напрашивался на конфликт со старшим коллегой. Алиса Шелдон несколько лет ловко водила за нос Роберта Сильверберга и Харлана Эллисона, с которыми состояла в переписке, убеждая, что Джеймс Типтри-мл. — brutальный мужчина. Даже Борхес, который может показаться фигурой не совсем уместной в этом ряду, на самом деле отлично вписывается в общую схему. Первый его рассказ, изданный на английском, перевел и опубликовал близкий друг Хайнлайна Энтони Баучер (в российских переводах его чаще ошибочно называют Бучером), Гарри Гаррисон печатал новеллы аргентинского писателя в ан-

Василий Владимирский

тологии лучшей мировой фантастики, а сам автор «Вавилонской библиотеки» активно лоббировал издание «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери на испанском. И это только самое очевидное, то, что лежит на поверхности, — в действительности таких точек пересечения гораздо больше.

Безусловно, в этот список могли войти и другие имена, от Филипа Дика и Станислава Лема до Вадима Шефнера и Михаила Успенского, от Клиффорда Саймака до Чайны Мьевия, от Лорана Бине до Уоррена Эллиса. Но, как говорил Козьма Прутков, «плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно объять необъятное»: счет важных, значимых фантастов (в самом широком понимании) идет на сотни, если не на тысячи. О некоторых героях этого сборника уже написаны десятки исследований (хотя, например, развернутой биографии Кира Булычева до сих пор не существует, что вызывает горькое недоумение) — я же постарался сосредоточиться на самых показательных деталях жизни и творчества, на неочевидных параллелях и неожиданных взаимосвязях.

Изменилась бы общая картина, если бы в этот список вошли другие писатели? Она определенно стала бы подробнее и полнее, это можно сказать с уверенностью. Однако, как любил повторять фантаст Дилэни в пору увлечения трудами французских структуралистов, любой фрагмент голограммы, даже крошечный, воспроизводит все голографическое изображение в целом — не знаю уж, насколько это правило применимо к литературе, но звучит обнадеживающе.

И в заключение, как водится, *last but not least* — слова благодарности. Часть статей, включенных

Фантастика — это фантасты

в эту книгу, с 2011 года публиковалась в разных медиа — не все площадки, с которыми мне довелось сотрудничать за эти полтора десятилетия, пережили крутые исторические виражи, иных уж нет, а те далеке. Для настоящего издания тексты дополнены и переработаны, иные косметически, а иные — без малого капитально. Тем не менее они не появились бы на свет без журналов «Мир фантастики» и «Знание — сила», без интернет-порталов «Прочтение», «Bookmate Journal», «Год Литературы», «Литрес Журнал». Спасибо тем, кто открыл это «окно возможностей» и дал вашему покорному слуге шанс проявить себя.

Ну а как этот шанс был использован — уже целиком на совести автора.

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН:

Проповедник без церкви

Политический Хайнлайн

Роберт Энсон Хайнлайн родился 7 июля 1907 года в Канзас-Сити, в многодетной, глубоко религиозной протестантской семье, но в число любимых отпрысков не входил. Его биограф Уильям Паттерсон рассказывает в книге «В диалоге со своим веком» («In Dialogue with His Century»), как будущий писатель случайно подслушал разговор родителей, решавших: потратить невеликие деньги на зимнее пальто для Бобби или на сапоги для его старшего брата — выбор был сделан не в пользу Роберта, и Хайнлайн надолго запомнил этот урок. Не все шло гладко и за пределами семейного круга: завязать близкие отношения с одноклассниками подростку мешало легкое заикание, а после поступления в Военно-морскую академию

Роберт Хайнлайн

в 1925 году юноша окончательно отгородился от мира штатских прозрачным, но непроницаемым куполом.

Новоиспеченный гардемарин не то чтобы не видел и не слышал, что происходит за стенами *alma mater*, — но здесь у него появились совсем другие заботы, иные цели. Те, что помогли ему быстро преодолеть проблемы с социализацией, подлинные или мнимые, и наконец раскрыть свои таланты. Нью-йоркская фондовая биржа переживала чудовищный крах — Хайнлайн набирал баллы для выпускного экзамена. Великая депрессия катилась по стране, фермеры оставляли свои поля, бросали дома и присоединялись к армии сезонных рабочих, чтобы хоть как-то заработать на кусок хлеба, — молодой офицер учился фехтованию, изучал испанский язык и закатывал холостяцкие пирушки. Пуританская Америка ужасалась падению нравов и вводила кодекс Хейса, запрещающий кинопродюсерам даже намекать на то, что супружеские пары спят в одной постели, — юный атлет пускался в рискованные романтические авантюры, практиковал свинг и «открытый брак», дневал и ночевал на nudistских пляжах с любимым коктейлем «Куба Libre». Но довольно беззаботный образ жизни не мешал ему напряженно размышлять о счастливой Америке будущего и о назревших социальных переменах.

Первым фантастическим рассказом Роберта Хайнлайна принято считать «Линию жизни» («Life-Line»): миф гласит, что этот текст был написан для конкурса, приз в котором составлял пятьдесят долла-